

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ И МЫСЛЕОБРАЗНАЯ ЛЕКСИКА АУДИТОРНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье выборочно реконструируются интенциональная, герменевтическая, концептуальная и (ре)презентационная модальности философского смыслополагания, а также их актуальная «аудиторная версия» в рамках вузовской экспликации.

Summary. The article selectively reconstructs the intentional, hermeneutic, conceptual and (re)presentation modalities of philosophical meaning, as well as recreates their current "classroom version" within the framework of university explication.

Ключевые слова: Философия, режимы смыслополагания, пролиферация возможных миров, лингвистическая полифония, мыслеобразная визуальность.

Keywords: Philosophy, modes of meaning, proliferation of possible worlds, linguistic polyphony, thought-like visuality.

Классическая философия традиционно трактуется в качестве элитарного усилия человеческого Разума осваивать Сущее «концептуально», в транскрипции «всеобщих (вселенских и общечеловеческих) умозаключений», верифицирующих данности бытия в их предельных состояниях и перспективах. *Здесь смертное оказывается динамичной репликой Вечности, «точкой сборки» генетических детерминизмов и синергетических бифуркаций хаос(к)осмоса во мгле судьбоносных флуктуаций случайного.* Причём, сами эти смущающие отклонения бытия мыслятся, как допускающие (эйдетическую) феноменологическую редукцию и ожидающие своего пос(т)следующего «истинного истолкования».

В свою очередь, *герменевтическая интонация философских построений* оказывается абсолютно востребованной и изначально определяющей для *неклассических построений экзистенциального ракурса.* Модерная онтология ноуменального Сущего постепенно теряет свой философский приоритет и вытесняется в область «специальных эпистемологических проектов», нуждающихся в рефлексивном методологическом сопровождении категориальных оснований научного (и околонаучного) познания.

Постмодернистская негация «темы Автор(ств)а» мировоззренческих дискурсов, настаивающая на парадоксальной «ничейности» любых вариаций Смысла, во многом схватывает тот неоспоримый факт, что ныне человечество располагает в таком историческом времени, которое перенасыщено *эхами цитатной эрудиции,* зомбирующих наше восприятие желанием лакомиться интернетовским «всеведением». По сути, бэконовский «идол театра», где господствует эклектическая начитанность новомодными «побегам мысли», трансформируется в его же «идол пещеры», погружающий современного геймера словопрений в субъективное пространство симулякров, насыщающих сознание реципиента платоновскими тенями анонимизированных «идолов рынка». Интеллектуальность авторизуется в превращённые формы глобалистских трендов и гламурной карнавальности.

Современная философия все глубже транслирует себя в «экологию Другого», под которым начинает пониматься «уникальность» не только и не столько чего-то Абсолютного (во всех его социокультурных манифестациях и нарративах), сколько сама бытийная исключительность и право на самобытность. Возникает потребность в словаре идентификационных эмпатий к инаковости Иного. Онтология Сущего визуализируется в аксиологиях «дружести», мировоззренчески инициирующих диалоговые контексты присутствия на смысловых территориях «различий».

В этой связи, актуализируется вопрос о *трансгисторическом, тематическом, модальном и лингво-визуальном обосновании* современной философской версии существования («понимающего») сознания. Следует заново пересмотреть сложившиеся стереотипы преподавания «философии философии» и подвергнуть её исходный эзотеризм духовно-практической конверсии со стороны мифо-поэтических, эстетико-этических, атропологических, когнитивных и языковых воплощений.

Так, говоря о трансгисторических источниках философских умозрений, А.Г. Дугин фундаментально и многократно реконструирует *конфликтологию мировоззренческого знания*, расширяя кантовскую регулятивную идею имманентной антиномичности («чистого Разума») в трилогию сквозной «Ноомахии» (т.е. батального столкновения интерпретаций бытия). *«Поле (Философского – В.К.) мышления – это поле ведения военных действий... Войны людей... лишь бледные копии войн, в которых участвуют боги, титаны, гиганты, стихии, демоны и ангелы. А те, в свою очередь, лишь образные фигуры, иллюстрирующие ещё более глубокие войны, развёртывающиеся в Уме, ... где сам Ум граничит с охватывающей его зоной абсолютного Безумия [1, с. 11]. В основе же «войн умов и против Ума», лежат мифологически отсканированные базовые состояния человеческого сознания в виде синхронно-асинхронных друг другу «логосов» Аполлона, Диониса и Кибелы.*

Философия оказывается при этом непрерывной (рефлексивной) попыткой «предельного выбора» того или иного варианта субъект-объектной онтологии Мира и ценностных субординаций Вечного и временного. «Эпохи, когда царствует Аполлон, обладают ориентацией на вечность и бытие, на священную традицию и героическую архитектуру жизни и сознания... Эпоха Диониса балансирует между вечностью и временем, здесь торжествует священное время – празднества, мистерии, посвящения, экстатическое восхищение. Это открытое время – время, из которого можно шагнуть в вечность... Эпоха Кибелы... не знает ни аполлонической вечности, ни экстатического восторга умирающего и воскресающего бога. Она монотонна и массивна.... Здесь начинает властвовать темпоральность [1, с. 47–48].

Мифологическая инстанция смысла (континуально и неустраимо) задаёт философскому вопрошанию «информацию к размышлению», ставя перед лицом «хаосов невнятности» и необходимости языковых игр с тотемами предрассудков и ритуализированными бесами расчеловечивания. Параллельно мифологическим логосам рекультивируемой мысли выстраиваются три «парадигмы» философских умонастроений, получивших *ники премодерна, модерна и постмодерна*, а также транслируемый в них *«Радикальный Субъект»*, дающий знать о себе в эпохи смены господствующих мировоззренческих установок [2, с. 577–687].

Размышления В.С. Библера построены вокруг *вопроса об интенциональных основаниях самого акта философствования, (пере)возобновляемого в процессе «диалогии культур (пред)понимания»*, нацеленной на «соучастное мышление» различных мировоззренческих традиций и сценариев рациональности. *Вместо «Ноомахии Разумов» акцент делается на их толерантной дополнительности*, обусловленной поисками Истинного и Должного в каждом *про-Изведении предельного вопрошания*. «В логике культуры бытие, предстоящее мне и понимаемое мной... есть феномен соучастия, со-разумения бесконечно-многих разумов, форм актуализации бесконечно-возможного бытия... Философская логика культуры (вечно-исходно – В.К) актуализирует бытие в точке его абсолютного начала, в идее «мира впервые», как основополагающей идее культуры» [3, с. 403–404].

Следовательно, *интенциональная установка на «впервые начинание»* Смысла в каждом событии мысли и опредмечивающих её этических долженствований Поступка, является условием философской вменяемости, отсекающей постмодернистские словоблудия на периферии литературных упражнений в области компиляций Чужого. Одновременно *подтверждается «запрос на Истинность»*, которая *нуждается в творческом беспокойстве эстетических проблематизаций и нравственной дислокации экофильных благоговений перед жизнью*.

В таком случае, *Истинное и Должное оказываются модальными проекциями «возможного»*, а само *возможное становится ещё одной инвариантной темой философских штудий*, ибо от понимания его эйдосов зависит способность философии выступать в качестве мировоззренческой футурологии. Как отмечает М.Н. Эппштейн, «Философский вопрос обращён к *свободе*, заключенной в предмете как его *возможности быть иным*... При этом философское мышление совершает несколько модальных переходов: от налично-сущего, экзистенциального – к альтернативно-возможному и далее к универсально-эссенциальному, уникально-феноменальному и, наконец, софийно-потенциальному» [4, с. 70, 71].

Иначе говоря, «вечные вопросы» (аудиторной) философской аксиоматики отныне саморазоблачают свою атемпоральную инвариантность и обретают динамические форматы личностного моделирования: в чём (возможный) смысл жизни; ради чего (возможно) человек призван к бытию; что он может знать о бытии и о себе; что он (возможно) должен делать со своим существованием; на что он в праве (возможно) надеяться; как (возможно) связаны между собой Жизнь и Смерть, Конечное и Бесконечное, Вечность и Временность, Случай и Судьба, Часть и Целое, Дух и Материя, Истина, Заблуждение и Ложь, Красота и Безобразное, Добро, Равнодушие и Зло, Справедливость и Равенство, Цинизм и Совесть, Кто такой Человек и в чём состоит его (возможное) «бытие Человеком»? Фактически, *философия оказывается в сослагательном наклонении пространств Возможного*.

На эти вопросы, так или иначе, вольно или невольно, просто или сложно, человеку приходится (пытаться) отвечать, но *на них невозможно окончательно и исчерпывающим образом ответить*. Существует множество вполне определенных и конкретных «ответов» на данные вечные вопросы, но не существует последнего и единственного «Ответа». Однако, как подступиться (или подступаться) к этой континуально дрящей траектории смыслополагания? Какие речевые упражнения

и мыслеобразные ресурсы следует приобщать к нашим дидактическим усилиям в современном «обществе спектакля»? Должна ли философия преодолевать рафинированную аксиологию Понятий и, не теряя своей категориальной презумпции, выходить за пределы безусловной категоричности? Допустимы ли контрабандные словари философской лексикографии, удобряющие её тематические пространства эпатажем «новых Слов» и правомочностью символических из-ображений? Как сделать так, чтобы вечные вопросы о бытии не исчезали на стартовой площадке пропедевтических разделов и расширенно воспроизводились (в умах наших «пожизненно подопечных») во всем последующем изложении, обретая характер возвратно-поступательного накопления экзистенциальных откликов?

Как представляется, *Трансцендентальный субъект классической философии*, бывший ортодоксальной «умностью как таковой» вынужден потесниться в своих спекулятивных апартаментах «чистой Мысли». В (аудиторную) компанию к нему добавляются:

- «*Радикальный субъект*» архетипических мифологизаций смысла, задающий понимание его «хаосных бифуркаций» и всевременные образные лейтмотивы, органику мироощущения;
- «*Герменевтический субъект*» продуцирования возможных Миров и диалога интерпретаций, трансцендирующий в горизонтальной плоскости постосторонней многоликости и непрерывного переобоснования «начал мыслетворчества»;
- «*Экзистенциальный субъект*», ключевыми особенностями которого оказываются этика «практического Разума» и «мирская прописка» философского мировоззрения, спустившегося с высот заоблачной Мудрости к повседневной топологии (забот) обывателя.

Все эти культурно-исторические и интеллектуальные тренды предполагают принципиальное обновление «философской речи», обогащение её репрезентационных модальностей, эмоциональной полигамности, парадоксальную чувственность рационального. Язык философствования перестает быть привязанным к рассудочной аналитике категориальных каркасов и имплантирует в себя «художества» лексического авангарда, *словесные интервенции концептуальных синтезаторов*, расширяющих горизонты мыслимого и артикулирующих его содержание в практиках номиналистической квантификации уникального.

Наконец, следует помнить, что особую философскую нагрузку несёт в себе «*виртуальное*», как мировоззренческая зона (все)возможных аббераций человечности перед лицом обступающих номахий полуправд, фейковых ангажементов аватарной безличности. В этой связи, философствование оказывается аутентичной необходимостью технических инноваций и компьютерных нарративов, выступая их мировоззренческой оснасткой и «литературным» кодом, ибо «...первая задача, которую должны решать создатели компьютерных игр, – задача метафизическая: каковы исходные параметры виртуального мира, ... сколько в нём измерений, как соотносятся субъект и объект, причина и следствие, как течет время и разворачивается пространство, сколько действий, шагов ударов отпущено игрокам по условиям их судьбы и что считается условием смерти» [5, с. 65]

Итак, от Хаоса (бесконечно) возможного, через догматику (Перво)Единого (бытия) к множеству вселенных Смысла и конгениальных Им божественных ипостасей *сосредоточенного* креационизма Слова...

Литература

1. Дугин, А.Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела / А.Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2014. – 447 с.
2. Дугин, А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А.Г. Дугин. – М.: Евразийское движение, 2009. – 744 с.
3. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
4. Эпштейн, М.Н. Философия возможного / М.Н. Эпштейн. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с.
5. Эпштейн, М.Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века / Михаил Эпштейн. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. – 239 с.